

Советского Союза, напоминают читателям, особенно молодым, что непрекращающиеся сегодня в отношении стран СНГ иницируемые извне попытки дестабилизировать положение на постсоветском пространстве нацелены на разрушение этого хрупкого межгосударственного объединения и втягивание

бывших братских республик СССР в чуждые им военно-политические блоки.

**В.В. Алексеев, академик РАН
(Институт истории и археологии УрО РАН),
Г.А. Куманев, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете Министров СССР. 1945–1970 гг. / Под ред. Н.А. Кривовой. В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2009. 848 с.; Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. 671 с.

Научное издание документов – всегда событие. В рецензируемом двухтомнике представлен весь комплекс выявленных в фонде Совета по делам Русской православной церкви ГА РФ писем патриарха Алексия I в Совет с 1953 по 1970 г. Оба тома снабжены археографическим предисловием, научно-справочным аппаратом (текстуальные примечания, комментарии, именной и географический указатели, список сокращений) и вводными статьями ответственного редактора д.и.н. Н.А. Кривовой и ответственного составителя Ю.Г. Орловой. В частности, в статье Орловой дана характеристика Совета, его прав и обязанностей, всей системы согласований при принятии решений, без чего невозможно полноценное понимание публикуемых текстов.

В письмах «во власть» не только содержалась различная информация, но и ставились вопросы, на которые авторы рассчитывали получить ответ. Однако Совет по делам Русской православной церкви «не вел переписки с Московской патриархией» (т. 1, с. 23). Уполномоченным Совета на местах также не рекомендовалось давать письменные указания священнослужителям. Как пишет Орлова, обязательные для исполнения «решения правительства и рекомендации Совета, как правило, передавались патриарху устно» (там же). Совет не имел полномочий на принятие принципиальных решений. Весь сталинский период Совет был связующим звеном между различными структурами власти: от руководителей страны, т.е. «инстанций» (во времена председательства Г.Г. Карпова это были ЦК КПСС и Совет Министров СССР; во времена В.А. Куроедова – только ЦК КПСС) до отдельных ведомств: МИДа, Минфина, Госплана, Госбанка и МГБ при решении вопросов внешнеполитической деятельности Московской патриархии, партийных и советских органов (включая органы государственной безопасности) при решении церковных проблем на

местах. Полученные письменные, а чаще устные ответы фиксировались в документах Совета. Они были выявлены составителями (Ю.Г. Орлова, О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко) и изложены в примечаниях к письмам, что позволяет читателю понять мотивы и механизм принятия предлагаемых властью решений.

Документы и материалы двухтомника содержат обширные сведения о реальном положении в епархиях, о притеснении Церкви со стороны местных органов власти, о непропорциональных действиях уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви, о сложных отношениях между уполномоченными и местными партийными властями, уполномоченными и духовенством. Впервые в таком объеме представлены документы, отражающие участие патриархии в международной деятельности Советского государства и свидетельствующие о том, что новая сталинская политика по отношению к Церкви была обусловлена именно задачами советской внешней политики. В этой связи непонятными остаются мотивы, по которым И.В. Сталин, вопреки сопротивлению партийного аппарата в центре и на местах, стимулировал (секретными постановлениями Совета Министров СССР) развитие церковной инфраструктуры и подготовку кадров духовенства. Как показала практика последующих десятилетий, для обслуживания целей советской дипломатии вполне было достаточно Отдела внешних церковных связей Московского патриархата и нескольких столичных храмов.

Автор писем Патриарх Московский и вся Русь Алексей I пережил аресты и ссылку, почти полное уничтожение иерархии Русской Православной Церкви в 1937–1938 гг. В 1945 г. в возрасте 67 лет он был избран на патриарший престол, на котором находился вплоть до своей смерти в 1970 г. Большая часть его писем, включенных в публикацию, адресована председателю Совета по делам Русской право-

славной церкви генерал-майору Г.Г. Карпову и по форме носит частный характер. Церковные проблемы соседствуют в них с сугубо личной информацией о здоровье, приветами членам семьи Карпова. Характерна сердечная форма обращения патриарха к Карпову («Дорогой Георгий Григорьевич»). Письма заканчивались словами «сердечно преданный Вам...», «душевно Вас уважающий и преданный...», «и я вечно буду хранить в сердце не только самую глубокую Вам благодарность и уважение, но и ничем неизгладимую любовь» и т.д. (т. 1, с. 204–205). Алексей I поздравлял Карпова с советскими праздниками, обменивался с ним подарками (Карпов шел на это с разрешения «инстанций»), обращался с личными просьбами и не избегал искушения воспользоваться его помощью для решения внутрицерковных проблем. Так, патриарх официально попросил у Совета «отзыв от местного уполномоченного» о правящем епископе Хабаровском и Владивостокском Венедикте (Пляскине) (т. 1, с. 266), после чего последовало «освобождение» владыки от занимаемой кафедры (т. 1, с. 268). Примером взаимодействия патриархии и различных государственных ведомств является и решение проблемы с нищими на церковных папертях (т. 1, с. 592–594).

Письма содержат уверения в любви и преданности к Сталину (в первом томе насчитывается 80 упоминаний его имени). Сталинский юбилей (в 1949 г.) патриархия с согласия «инстанций» отметила «краткими благодарственными молебствиями» после литургии (т. 1, с. 499, примеч. 2). Сам патриарх 21 декабря молился о здравии вождя, в котором «Святая Церковь наша имеет... верного защитника» (т. 1, с. 502, примеч. 1). Для характеристики атмосферы тех лет интересен также эпизод, произошедший уже после смерти Сталина. 29 марта 1953 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) обратился к патриарху с рапортом, в котором просил отстранить от работы инспектора Ленинградской духовной академии Л.Н. Парийского, который 6 марта самочинно сократил чин панихиды, служившей в храме академии по усопшему, опустив большую часть прошений и песнопений, «составляющих основной смысл христианского упования о спасении человека и упокоении его души» (т. 1, с. 690, примеч. 1). Митрополит исправил ошибку, и в последующие дни панихида по «Верховному вождю Советского Союза, новопреставленному Иосифу» служилась полным чином. Отсылая Карпову этот рапорт, Алексей I в сопроводительном письме охарактеризовал поступок Парийского как «бестактность и недомыслие» (там же), никаких последствий для инспектора случившееся не имело.

При этом важно не то, что патриарх, как писал 21 сентября 1949 г. в записке, направленной в Совет Министров СССР Карпов, «по своей инициативе все вопросы согласовывает с ним и принимает рекомендации Совета» (т. 1, с. 484, примеч. 1). Важнее то, как он противодействовал превращению Церкви в институт советской политической системы. Патриарх принял к исполнению правительственный план «постепенного сокращения» числа монастырей, но документы свидетельствуют о готовности Карпова при закрытии монастырей принимать во внимание просьбы и пожелания патриарха и епископов (с учетом мнения местных органов власти). Во времена Хрущева ни о каком «постепенном сокращении» речь уже не шла, и закрытие монастырей проводилось в рамках антирелигиозной и антицерковной кампании. Одновременно документы свидетельствуют о том, что Алексей I по мере сил защищал священников, выпускников и преподавателей духовных школ от произвола местных властей и финансовых органов, продвигал в епископские кафедры достойных кандидатов, пытался спасти церкви от закрытия, способствовал укреплению церковной инфраструктуры.

Тон писем поменялся с назначением на пост председателя Совета по делам Русской православной церкви В.А. Куроедова, бывшего главного редактора газеты «Советская Россия». Он стал лишь формально вежливым и официальным. В письмах патриарх указывает на нарушение советских законов местными органами власти, на возможное возмущение верующих и опасность возникновения негативного имиджа страны в мире (см.: т. 2, с. 310, 423). Как пишет Орлова, «в 1954–1970 гг. среди материалов, переданных патриархом в Совет, преобладали жалобы с мест на притеснения местных органов власти, рапорты епископов и архиепископов о бедственном положении монастырей, о разногласиях с уполномоченными, заявления верующих о снятии с регистрации священников и т.д.» (т. 2, с. 23–24). Изменилась роль Совета, который из «связующего звена» превратился в надзорный над Церковью орган, согласующий свою деятельность только с ЦК КПСС (прежде всего с отделом пропаганды и агитации, откуда будут назначать большинство руководителей Совета).

Публикация позволяет судить о роли Карпова в «воссоздании» Церкви и лишает основания легенду о нем как защитнике Церкви. Карпов осуществлял сталинскую политику, при которой спешрейсы за границу для патриарха и отдельные случаи защиты духовенства на местах соседствовали с планомерным закрытием монастырей (т. 2, с. 303) и планом уничтожения

святых мощей, лучше всего характеризующим его позицию. 3 декабря 1947 г. Карпов изложил свои предложения куратору Совета К.Е. Ворошилову: «О времени и способе уничтожения, если будет дано согласие правительства, Совет представит свои предложения. Что касается “мощей”, по которым возбуждены ходатайства епископов и патриарха, то их придется сохранить, так как эти “мощи” видели представители духовенства и верующие». При этом его не смущало постановление правительства № 6995 от 7 июня 1947 г., разрешавшее передачу мощей Церкви (т. 1, с. 284). Из беседы с Ворошиловым, состоявшейся в январе 1947 г., он знал о его отрицательном отношении к мощам и желал угодить куратору. Тем не менее «план» не был одобрен.

В книге впервые публикуются материалы, отражающие международную деятельность патриарха Алексия I. Уяснив в годы войны, насколько велик авторитет духовенства в западном обществе, советские руководители стали активно использовать высшее духовенство в своей внешней политике, прежде всего для поддержания положительного имиджа СССР. В свою очередь, патриарх и другие иерархи старались использовать эту заинтересованность властей для защиты церковного достояния (церковных зданий, монастырей, семинарий). В примечаниях приводятся документы, раскрывающие процесс согласования с посольствами, МИД, госбезопасностью и разведкой предлагаемых патриархом и Синодом кандидатов на церковное служение за границей, способов финансирования приходов Московской патриархии за границей и финансовой помощи другим православным церквям. Как и во всех остальных случаях, принципиальные решения принимались «инстанциями», а затем оформлялись как постановления Священного Синода. Так, например, происходила ликвидация Русской духовной миссии в Китае и прекращение по инициативе Совета «денежного субсидирования в отношении православного духовенства и церквей в Китае со стороны Московской патриархии» (т. 2, с. 64).

Практика активного участия высшего православного духовенства во внешнеполитических акциях советского правительства сохранилась и в послесталинский период. Власти терпели существование Церкви как «приложение» к Отделу внешних церковных связей патриархии и МИД. О важности для властей этого направления деятельности патриархии говорит тот факт, что в 1962 г., в разгар хрущевских гонений на Церковь, патриарх был награжден третьим орденом Трудового Красного Знамени и получил правительствен-

ную «Чайку» (четвертый орден он получил уже при Брежнев, в 1967 г.). В 1963 г. с согласия «инстанций» и при участии высоких зарубежных гостей состоялось празднование 50-летия архиерейского служения Алексия I (т. 2, с. 414–415). О торжествах сняли для «демонстрации за границей» короткометражный документальный фильм и издали брошюру. Но в том же году была закрыта Киево-Печерская лавра.

В издании в основном представлены документы 1945–1953 гг. (618 документов в т. 1) и 1953–1957 гг. (126 и 427 документов в т. 2), когда возглавлявшие Совет Министров СССР Г.М. Маленков и Н.А. Булганин продолжали сталинскую политику по отношению к Церкви. Для ее характеристики Кривова употребляет такие выражения, как «процесс нормализации государственно-церковных отношений» (т. 1, с. 5), «перемирие» (там же), «компромисс между РПЦ и государством» (т. 1, с. 6), «диалог государства и Церкви» (т. 1, с. 8). По словам ответственного редактора, Церковь в эти годы «смогла укрепить материальное и организационное положение... и завоевать авторитет на международной арене» (т. 1, с. 5). Однако для «нормализации взаимоотношений», «соглашения», «диалога», «компромисса» необходимы две стороны. Между тем до осени 1943 г. в стране существовала только одна сторона «диалога» – советская власть. Церковь была представлена отдельными приходами и несколькими епископами во главе с местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским). Церковные структуры в стране были разрушены. Храмы (около 7 тыс.) на оккупированной гитлеровцами территории открыл сам народ. Церковь и в 1943 г. не стала самостоятельной. Из остатков иерархии Сталин не воссоздавал, а пытался создать собственную модель церкви. К реализации этого плана он приступил задолго до 1943 г., полностью сохранив в 1939 г. церковную структуру на присоединенных западных территориях. С сентября 1941 г. Сталин позволил митрополиту Сергию совершить несколько епископских хиротоний, а в марте и сентябре 1942 г. в Ульяновске состоялись организованные в короткие сроки по инициативе властей архиерейские соборы.

Представленные документы свидетельствуют о том, что Сталин предпринял попытку создания принципиально новой и не имеющей прецедента в истории модели православной церковной организации на службе атеистического государства. Церковь включалась в советскую политическую систему, оставаясь, как и все институты этой системы, под жестким контролем (контролировались ее фи-

нансы, кадровая политика, духовные школы, зарубежные и внутрицерковные контакты, содержание проповедей, повестка дня заседаний Синода и его решения, церковная литература после прохождения цензуры Совета печаталась в государственных типографиях). Священноначалие вошло в состав номенклатуры (с резиденциями, пайками, автомашинами, дачами, санаториями, медицинским обслуживанием и орденами) (об этом см. т. 2, с. 304, примеч. 1). Но, как и прежде, государство в отношениях с Церковью представляли органы государственной безопасности. Только бывшему начальнику 5-го отдела 2-го Управления НКГБ по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией полковнику госбезопасности Карпову была поставлена «другая задача». Руководящие должности в Совете и большинство должностей его уполномоченных на местах в сталинский период занимали действующие и бывшие «чекисты». Впрочем, под их наблюдением в сталинский период находились все организации страны, включая коммунистическую партию. Практика контроля над Церковью со стороны МГБ, а затем КГБ сохранялась до конца существования СССР.

Приняв решение о включении Церкви в советскую политическую систему, Сталин озаботился созданием системы подготовки лояльного советской власти духовенства (8 семинарий и 2 академии с 1 200 студентами в 1958 г.) и контроля за его иерархическим продвижением. Именно Совет определял численность, нормы и критерии отбора канди-

датов, поступавших в духовные школы. С Советом патриарх «согласовывал» все кадровые перемещения и назначения в Церкви. Этому посвящена значительная часть писем и примечаний к ним, свидетельствующих о том, что этот контроль постепенно ужесточался.

Новый церковный курс не был личным «капризом» Сталина. Маленков, Молотов, Ворошилов, Булганин высказывались за его продолжение и после 1953 г. Карпов был ревностным сторонником данной политики и пытался проводить ее даже после смены политического руководства страны.

Переписка патриарха Алексия I с Карповым и Куроедовым показывает в деталях механизм превращения церковного руководства в одно из звеньев государственного аппарата. Но, как отмечает Орлова, с созданием Совета по делам религий в 1965 г. «материалы, относящиеся к деятельности Русской православной церкви, стали занимать в нем такое же положение, как и документы, касающиеся других конфессий на территории СССР. В докладных записках Совета по делам религий в ЦК и в Совет Министров вопросы, связанные с Русской православной церковью, практически отсутствуют» (т. 2, с. 26). Причины такого падения интереса властей к Церкви требуют дополнительных исследований.

Б.А. Филиппов, кандидат исторических наук (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет)

Л.Н. Мазур. Методы исторического исследования. Екатеринбург: УрГУ, 2010. 607 с.

Современные тенденции в развитии исторического знания обнаруживаются в поисках критериев и основ осмысления проблем глобализирующегося мира, новой целостности человеческих сообществ в их единстве и многообразии. Методологические изыскания проявляются в обосновании информационной природы человеческой деятельности, системности как неотъемлемого свойства социумов и исторического процесса в целом, актуализируют новое осмысление феномена прогресса и закономерностей в истории. Обоснование критериев научности исторического знания в отечественной историографии Новейшего времени нашло наиболее яркое воплощение в выдвинутом О.М. и А.Н. Медушевскими когнитивно-информационной теории современного

гуманитарного познания¹. Постановка ими вопроса об истории как строгой науке совпала с интенсивными поисками научных методик, техник и инструментов, направленных на достижение обоснованных результатов исторических исследований, которыми отмечено развитие профессионального сообщества в последнее десятилетие. Одним из воплощенных вариантов научно-методических разработок такого рода является книга Л.Н. Мазур «Методы исторического исследования».

Она представляет собой оригинальный вариант комплексной разработки проблемы методического инструментария историка. Структура книги представляется вполне обоснованной: от рассмотрения сущностных проблем исторического исследования, его